

# БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ РОБЕРТА ЛОУЭЛЛА

Л. В. Шимонович

*liana.shimonovich@gmail.com;*

*Научный руководитель – Г. В. Синило, кандидат филологических наук, профессор.*

В статье через призму библейской архитекстуальности рассматривается творчество американского поэта Роберта Лоуэлла на примере стихотворения «Где заканчивается радуга» (“Where the Rainbow Ends”). Используя библейскую символику, Лоуэлл выступает с критикой современности и акцентирует внимание читателя на хрупкой и сложной природе мира как состояния «без войны».

**Ключевые слова:** Роберт Лоуэлл; архитекстуальность; «осевой» архитекст; Библия; библейская символика; «Где заканчивается радуга».

Одним из самых важных текстов европейской культуры является Библия. По определению белорусской исследовательницы Г. В. Синило, Библия является «осевым» архитекстом для европейской культуры и литературы (см. подробнее: [1]). То же самое можно сказать и о преемнице Европы – американской культуре. Г. В. Синило отмечает: «Духовные лидеры переселенцев-пуритан видели особый смысл в собственной истории и обращались в поисках ее сакрального обоснования к Библии [2, с. 10]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что библейская архитекстуальность оказала влияние на творчество поэта Роберта Лоуэлла (1917–1977) – потомка первых американских переселенцев.

Американская Академия поэтов охарактеризовала Роберта Лоуэлла как «одного из самых одаренных и влиятельных поэтов послевоенного периода» (“widely regarded as one of the most gifted and influential American poets of the postwar period” [3, p. 251]). Он является значимой фигурой американской поэзии XX века, так как смог ярко и отчетливо выразить идею о том, что искусство, а в частности поэзия, – более точное средство и метод для исследования человеческого Я, персональной памяти, травм и чувств, чем любая другая наука. Лоуэлл стал родоначальником исповедальной поэзии, отличительной чертой которой является размытие границы между автором и лирическим героем и полное их отождествление друг с другом. На примере собственного творчества Лоуэлл показал, что «жизнь художника становится его искусством» (“The artist’s existence becomes his art” [4, p. 7]) и стал вдохновителем следующих поколений американских поэтов и писателей, среди которых были Аллен Гинзберг и Сильвия Плат.

Как уже было сказано выше, библейское мировоззрение и символика сильно повлияли на творчество Роберта Лоуэлла. Христианская символика особенно заметна в раннем творчестве поэта – в сборниках «Земля Непохожести» (“The Land of Unlikeness”) и «Замок Лорда Вири» (“Lord Weary’s Castle”). Название первого отсылает читателя к книге пророка Даниила: «Об этом он сказал: зверь четвертый – четвертое царство будет на земле, отличное от всех царств, которое будет пожирать всю землю, попирает и сокрушает ее» (*Дан 9:23*).

В данной статье мы рассмотрим послевоенное стихотворение Роберта Лоуэлла из сборника «Замок Лорда Вири» «Где заканчивается радуга» (“Where the Rainbow Ends”). Начать стоит с самого названия, в котором сразу же замечается параллель с Ветхим Заветом, в котором радуга появляется после Всемирного Потопа в качестве «вечного напоминания для Самого Бога и для людей о страшной катастрофе на земле и ее преодолении, о надежде на истинный Союз Бога и всего живого на земле» [5, с. 139]. В Книге Бытия сказано: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением [вечного] завета между Мною и между землею» (*Быт 9:13*). Но, в отличие от библейской, радуга, которую видит Лоуэлл над Бостоном после Второй мировой войны, символизирует не надежду, а предвещает неминуемую гибель.

Начало видения лирического героя (“I saw the sky descending, black and white, / Not blue, on Boston” [6] ‘Я видел небо черно-белое, / Не голубое, спадающее на Бостон’) похоже на видение Иоанна Богослова в Откровении: «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего» (*Откр 21:2*). Но судя по тому, что небо над Бостоном черно, он не претендует на статус нового и святого Иерусалима, что дополнительно указывает на несбывшиеся чаяния отцов-пилигримов. Также можно заметить другие образы из Откровения Иоанна Богослова: одного из всадников Апокалипсиса (“Hunger’s skin-and-bone retrievers” [6] ‘Тощие ретриверы Голода’) и саранчу (“locusts” [6]), которая погубит тех людей, «которые не имеют печати Божией на челах своих» (*Откр 9:4*).

На безнадежность Бостона указывает еще одна библейская аллюзия: “The worms will eat the deadwood to the foot / Of Ararat” [6] ‘Черви съедят сухостой до подножия / Апарата’. Гора Апарат, на которой остановился в конце своего плаванья Ноев ковчег (см. *Быт 8:4*), как и радуга, является символом надежды, но в видении лирического героя черви жадно пожирают уже даже не все живое на ней, а лишь оставшийся сухостой.

Далее видения Лоуэлла только ухудшаются: “and a winter drifts to where / The Pepperpot, ironic rainbow, spans / Charles River and its scales of scorched-earth miles / I saw my city in the Scales, the pans / Of judgment rising

and descending. Piles / Of dead leaves char the air – / And I am a red arrow on this graph / Of Revelations. Every dove is sold...” [6] ‘Зима несет туда, / Где Пепперпот, где ироничная радуга, раскинулась / на мили от выжженной земли через Чарльз-Ривер. / Я видел город на Весах, на чашах правосудия, / они то поднимались вверх, то опускались вниз. И груды / опавших листьев накаляют воздух – / А я как красная стрела на графике / Откровения. Вот каждый голубь продан...’

Пепперпот, т. е. буквально «перечница», – башни бостонского моста Лонгфелло. Но также ее можно воспринимать не просто как деталь объективной реальности, но и в качестве символа разочарования: на конце радуги – в Бостоне – вместо сказочного горшочка с золотом, путник отыщет всего лишь перечницу. Автор снова указывает на исковерканную радугу – всего лишь часть моста, утилитарное сооружение, которое, иронично, поддерживает груды камней над рекой, а не человеческую душу.

Утверждение «А я как красная стрелка на графике / Откровения» может ассоциироваться с отчужденной и безличной стрелкой на экономическом графике. Она никого не осуждает, не принимает ничью сторону, она лишь констатирует факт. В этом смысле и стрелка, и герой, ассоциирующий себя с нею, – настоящие пророки.

Распроданные голуби – это обмен Бога на богатство (маммону). В Евангелии от Матфея читаем: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне» (*Матф 6:24*).

Последние строки все же приносят утешение и надежду на спасение: “The victim climbs the altar steps and sings: / "Hosannah to the lion, lamb, and beast / Who fans the furnace-face of IS with wings: / I breathe the ether of my marriage feast." / At the high altar, gold / And a fair cloth. I kneel and the wings beat / My cheek. What can the dove of Jesus give / You now but wisdom, exile? Stand and live, / The dove has brought an olive branch to eat” [6] ‘В Бостоне от холода завывают змеи. / А жертва шагает к алтарю и напевает: / “Осанна льву, агнцу и зверю, / Что распялает пламенем лицо ТОГО, Кто с крыльями: / А я вдыхаю воздух пира брачного моего”. / И на высоком алтаре, покрытом златом / И светлой тканью. Я опускаюсь на колени, а крылья ударяют / По щеке. Что может дать сейчас мне голубь Иисуса, помимо мудрости, изгнания? / Встань и живи, / Голубь принес оливковую ветвь, чтобы ее ты съел’.

В один момент, когда герой спрашивает, что может дать голубь Иисуса, божественная благодать, которая искупает и освобождает, ви-

дится не более чем горькой и тщетной мудростью изгнания. Надежду дарит возглас: «Встань и живи, / Голубь принес оливковую ветвь, чтобы ее ты съел».

Слова «Встань и живи» очевидно отсылают к словам Иисуса: «И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя» (*Лук 17:19*). Зная библейский контекст, читатель понимает и смысл, который Роберт Лоуэлл вложил в это стихотворение: несмотря ни на какие внешние обстоятельства, человек не должен забывать о своей личной ответственности перед миром и людьми, отступать от моральных идеалов и терять веру, заменяя ее утилитарными земными вещами и целями.

Герой, как и Ной в Ветхом Завете, получает оливковую ветвь: «Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (*Быт 8:11*). Но в стихотворении лирический герой должен съесть горькую оливу, чтобы на собственном физическом опыте понять цену миру. На этом примере Роберт Лоуэлл представляет читателю более глубокое понимание мира (т. е. состояние «без войны»). Это не *deus ex machina*, который придет по первому зову людей и разрешит все существующие проблемы. Это ежедневный созидательный труд, в первую очередь каждого отдельно взятого человека. А достигнутый мир – это хрупкая надежда, которая включает в себя не только счастье, но и страдание, горечь утрат, признание своих ошибок и искреннее сочувствие.

### Библиографические ссылки

1. Синило, Г. В. Библия как “осевой” архетекст европейской литературы (на примере немецкой лирической поэзии). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2017. № 3. С. 19–29.
2. Синило, Г. В. Библейские парадигмы как основа становления американской культуры и литературы. Актуальные проблемы современной американистики (культурологический аспект): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 27–28 февр. 2007 г. / редкол.: Г. В. Синило (отв. ред.) [и др.]. Минск : Изд-во БГУ, 2011. С. 5–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by>. Дата обращения: 28.04.2023.
3. Hunter, J. W. Robert Lowell (1917-1977). *Contemporary Literary Criticism*. Vol. 124. Detroit : Gale Group, 2000. P. 251–309.
4. Axelrod, S. G. Robert Lowell: Life and Art. Princeton University Press, 1979.
5. Синило, Г. В. Библия и мировая культура : учебное пособие. Минск : Вышэйшая школа, 2015.